

Тезисы В.В. Байбака в круглом столе на тему:

«Распорядительная сделка и ее абстрактность: "за" и "против"»

1. В начале дискуссии необходимо определиться с ее предметом. Очевидно, что изначально в сообщении А.Г. Карапетова речь шла лишь о транслятивных распорядительных сделках, т.е. таких, которые приводят к переходу имущественных благ из имущественной сферы отчуждателя в имущественную сферу приобретателя (традиция, цессия, отчуждение исключительных прав и т.п.). Тем самым мы исключаем из предмета обсуждения конститутивные распорядительные сделки, направленные на установление новых имущественных прав (как, например, передача вещи в залог, в аренду, предоставление лицензии на использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации и т.п.). Также отсекаются прочие распорядительные сделки, которые приводят к иному правовому результату (прощение долга, зачет и пр.). Само по себе это не только не облегчает обсуждаемую проблему, но, возможно, напротив, ее усугубляет. Ибо исключив целый ряд распорядительных сделок из дискуссии о юридическом значении их каузы, мы тем самым ставим вопрос о том, должен ли существовать единый подход к абстрактности / каузальности распорядительных сделок или необходима дифференциация в зависимости от правового результата распорядительной сделки. В дальнейшем, руководствуясь заданным направлением дискуссии, мы будем вести речь лишь о транслятивных распорядительных сделках.
2. Для того, чтобы обратиться к вопросу об абстрактности / каузальности распорядительной сделки необходимо прежде всего ответить на вопрос о том, насколько вообще целесообразно деление сделок на обязательственные и распорядительные. Ссылка на то, что «раз в Германии это так, значит, и нам так нужно», неубедительна. Наиболее явно разделение распорядительных сделок и обязательственных проявляется на примере передачи движимой вещи в собственность приобретателю по договору (традиция). Именно в данном случае мы сталкиваемся с наглядным разрывом между волеизъявлением в виде консенсуального договора (например, договора купли-продажи) и очевидными действиями по его исполнению (переходу движимой вещи из владения отчуждателя во владение приобретателя). Иные примеры транслятивных распорядительных сделок (цессия, отчуждение исключительных прав) такой наглядностью не обладают.

Консенсуальная модель передачи права собственности на движимые вещи по договору обладает рядом существенных особенностей. Во-первых, после заключения первой отчуждательной сделки все последующие не будут иметь юридической силы, т.к. отчуждатель уже не будет собственником отчуждаемой вещи. Это защищает первого приобретателя такой вещи, но лишает полноценной защиты последующих приобретателей, которые доверились недобросовестному отчуждателю. Недостаток такого подхода особенно ощутим в тех случаях, когда

отчужденная вещь еще находится во владении отчуждателя, что нередко воспринимается в обороте как внешняя видимость права собственности. Во-вторых, непосредственно после заключения отчуждательной сделки вещь поступает в имущественную сферу приобретателя, следовательно, она исключается из имущественной базы для погашения обязательств по долгам отчуждателя и, напротив, поступает в актив приобретателя, который служит для удовлетворения требований его кредиторов. Иными словами, консенсуальная модель усугубляет риски кредиторов отчуждателя и в большей степени защищает кредиторов приобретателя.

Модель традиции ориентируется на более наглядное обстоятельство – передача владения вещью. Именно с этим в обороте чаще всего связывается переход права собственности. Однако и такой подход обладает как преимуществами, так и недостатками. Он позволяет, в частности, заключить несколько обязательственных сделок в отношении одной и той же вещи, тогда как исполнить можно только одну из них. Соответственно, при этом подходе приобретатель не может быть уверенным в своем положении до тех пор, пока он не получит вещь во владение (а иногда даже и после этого, например, в случае эвикции). Соответственно, в период между совершением обязательственной и распорядительной сделки вещь находится в имущественной сфере отчуждателя и служит основой для удовлетворения требований его кредиторов, а после совершения распорядительной сделки она выполняет эту функцию для кредиторов приобретателя.

Как видно из предшествующего изложения, идея выделения распорядительных сделок наряду с обязательственными обладает как преимуществами, так и недостатками. *Mutatis mutandis* эти преимущества и недостатки присущи и иным транслятивным распорядительным сделкам.

На наш взгляд, у концепции разделения распорядительных и обязательственных сделок все же больше преимуществ, чем недостатков. Учитывая то, что в российском законодательстве и правоприменительной практике так или иначе уже сложилось названное разделение, мы будем из этого исходить при обсуждении проблемы абстрактности / каузальности распорядительных сделок.

3. *De lege lata* можно по-разному оценивать юридическое значение каузы распорядительных сделок.

С одной стороны, в силу п. 1 ст. 167 ГК недействительная сделка не влечет юридических последствий, к которым стремились стороны, совершая сделку.

С другой стороны, в силу ст. 1106 ГК при передаче имущественного права по недействительному или несуществующему обязательству можно требовать восстановления первоначального положения. Очевидно, что последнее актуально только в том случае, если право считается перешедшим. Учитывая то, что в ст. 1106 ГК упоминается о передаче любых имущественных прав, следуя буквальному толкованию, мы можем распространить это не только на уступку

обязательственных требований (как это обычно делается в литературе), но и на передачу иных имущественных прав – права собственности, исключительных прав и т.п.

Современная правоприменительная практика идет по иному пути. Ст. 1106 ГК толкуется предельно ограничительно (только в применении к уступке обязательственных требований) и лишь в отношении формальных вопросов, как то возврат документов и пр. В связи с этим проблему юридического значения каузы распорядительных сделок предпочтительно обсуждать *de lege ferenda*.

4. Абстрактность распорядительных сделок связана с целым рядом преимуществ. В частности, приобретателю не нужно проверять всю цепочку сделок, предшествовавших его приобретению. Дефекты обязательственной сделки не отражаются на распорядительной сделке. Соответственно, с точки зрения оборота идея абстрактности распорядительной сделки выглядит достаточно привлекательно. Однако это является преимуществом лишь с точки зрения потенциальных приобретателей имущественных благ. Оборот же состоит не только из приобретателей, но и из отчуждателей. Их интересы также нуждаются в защите. Идеалом является компромиссное решение, позволяющее найти баланс в защите как приобретателей, так и отчуждателей. Абстрактность ни в коей мере не защищает интересы отчуждателей. Так, при абстрактности цессии, если cedent, действуя под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение, передает свое право требования, которое цессионарий уступает третьему лицу, то даже в случае признания первой обязательственной сделки об уступке требования недействительной, cedent не сможет истребовать уступленное право от третьего лица, а должен довольствоваться компенсацией его стоимости. Последнее напрямую зависит от платежеспособности цессионария, которая зачастую проблематична.

Более того, сама по себе идея абстрактности в определенной степени противоречит базовым принципам гражданского права. Так, передавая вещь в собственность или уступая право требования по договору, отчуждатель, как правило, совершает соответствующую распорядительную сделку *solvendi causa*. Учитывая основополагающий гражданско-правовой принцип автономии воли довольно трудно объяснить, почему даже четкое и недвусмысленное волеизъявление cedenta следует игнорировать и придать его действиям правовой эффект независимо от того, насколько осуществима правовая цель данного волеизъявления.

Указанная выше проблема более или менее эффективно решается с помощью института защиты добросовестного приобретателя, когда речь идет об отчуждении вещей. Однако и этот механизм не может быть использован применительно к возврату вещей в условиях абстрактности распорядительной сделки по передаче права собственности на вещи. Так, если изменить приведенный пример и считать абстрактной распорядительную сделку об отчуждении вещи, то отчуждатель, действовавший под влиянием заблуждения, не сможет истребовать вещь от конечного приобретателя, поскольку последний приобрел вещь от лица, ставшего

собственником на основании абстрактной распорядительной сделки, которую не порочат дефекты обязательственной сделки, совершенной под влиянием заблуждения. Подобные примеры можно продолжить. Основной вывод состоит в том, что принятие концепции абстрактности распорядительных сделок в значительной степени лишает смысла институт добросовестного приобретения имущества от неуправомоченного отчуждателя со всей его «системой сдержек и противовесов».

Таким образом, *de lege ferenda* представляется более правильным идти не в направлении абстрактности распорядительных сделок, а в направлении развития норм о добросовестном приобретении имущественных благ (не только вещей) от неуправомоченного отчуждателя в сочетании с идеей каузальности распорядительных сделок.